

УДК 82 :1

О ГНОСЕОЛОГИИ РУССКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Гагаев Андрей Александрович

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева»

г. Саранск, Россия

Гагаев Павел Александрович

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

г. Пенза, Россия

В статье рассматривается гносеология русского классического художественного текста. Текст трактуется как полнжизненная (эстетически организованная) форма целостного бытия русского человека, отчетливо несущая в себе характерную для последнего гносеологию.

Методология осмысления проблемы – субстратная рефлексия А.А. Гагаева.

Ключевые слова: *гносеология, классический текст, русский, становящееся, едино-множественное, иррациональное, персонификация, форма целого.*

Классический текст есть эстетически
организованная форма целого.

Перифраз суждения философа

Классический художественный текст отчетливо несет в себе определенную гносеологию. Миры, развертывающиеся в пространстве классического текста, суть миры определенного понимания бытия, понимания того, как устроено последнее, как оно собирается, преобразовывается и что его ждет в обозримом будущем. Классический текст в этом смысле есть реалья, сопоставимая с текстами религиозно-философскими, философскими, научными и пр.

Какова гносеология русского классического текста? О каких мирах с когнитивной точки зрения повествуется в текстах русских классиков? Как текст (каким художественным инструментарием) являет эти миры? Как связана эстетика русского текста с его гносеологией? На эти и другие вопросы постараемся дать ответ в настоящей статье.

В осмыслении проблемы опираемся на субстратную рефлексию А.А. Гагаева, согласно которой, в предмете познания удерживается его единично-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и отвечанию на обращение к себе со стороны познающего [2].

Отчетливо проблему гносеологии классического текста сформулировали М.М. Бахтин и Г.Д. Гачев [1; 4]. В трудах этих философов-филологов текст трактовался как выражение определенной гносеологии (полифоническое видение мира; мир как становящееся и др.). Идеи этих мыслителей положили начало традиции осмысления русской классики как гносеологию художественной реальности. Развитие своей идеи названных ученых в отечественной филологии, с нашей точки зрения, не нашли. Проблема гносеологии художественного текста если и ставилась в работах отечественных филологов, то лишь в связи с творчеством конкретного автора и как особенность авторского стиля (например, в статьях Д.С. Лихачева, посвященных поэтике Ф.М. Достоевского [6]).

Феномен классического текста

Предварим обсуждение обозначенного вопроса суждениями о природе классического текста.

Под классическим текстом понимаем словесную конструкцию, каковая вбирает в себя *глубины и глубины* бытия, вбирает как нечто поверенное человеческой мыслью и человеческим чувством, вбирает и оформляет как нечто законченно-совершенное со стороны бытийно-эстетической.

Классический текст, в силу чрезвычайной емкости своего содержания, неисчерпаем для своего читателя; он (текст) – вне времени; напротив, время в нем гранит свои интенции и пределы.

Классический текст субстанционален, субъектен. Для нас это не метафора. Вошедшее в пространство текста бытие *сгущается, встречается* с самим собою, *сосредоточивается* на себе самом и *взрывается: персонифицируется* и обращается к читателю, времени, эпохе, себе самому, вбирает в себя новые смыслы и во всем этом *как собрат* сопутствует человеку в его историческом бытии (укажем на близкую приведенной стилистику описания смыслов текста в работах М.М. Бахтина, а также на свою работу [1;3]).

Примеры обозначенной реальности – тексты Эсхила, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Толстого, Ибсена, Шолохова и др.

Классический текст как образ мира и как искание истины

Классический текст есть некая *картина* бытия (*образ мира*). Эту идею, столь полно высвечивающую содержание пространства классического текста, заимствуем у Г.Д. Гачева [4].

Классический текст творит некое *конкретное* в мироздании, конкретное как полножизненное, как полнобытийное, как внутренне собранное и совершенное. Классический текст и есть само бытие, освободившееся от случайного, временного, суетного и, вместе с тем, избежавшее отвлеченности и безжизненности (что свойственно текстам сугубо умозрительным).

Классический текст есть *совершенное* бытие. Совершенное как полотно великого мастера.

Классический текст – и в этом еще одна его существенная характеристика – есть *искание* истины (истины обо всем и вся). Пространство текста есть изменение бытия, изменение, коему предшествует его постижение и начертание его возможного и принимаемого предела; начертание возможных путей достижения указанной реальности (предела).

Илиада и Одиссея Гомера, Божественная комедия Данте, драмы Шекспира, тексты Достоевского и Толстого и пр. суть образы бытия, пред которыми не может не замереть в восхищении человек с разумом и сердцем, а замерев и осмыслив воспринимаемое, не может не задержать мысль свою на предлагаемых ему (текстом) путях преобразования себя самого и своего окружения.

Перефразируя суждение И. Канта об идее как «понятии разума о форме целого» [5, с. 633], определим классический текст как подлинную форму целого - бытия как целого, его *природы* и его *гносеологии*.

Гносеология русского текста

Какова же гносеология русского классического текста? Полагаем, опираясь на работы отечественных философов-филологов, а также на свой опыт прочтения русской классики, следует, прежде всего, говорить о таких гносеологических характеристиках пространства классического текста, как актуализация общей становящейся природы являемого в нем (пространстве) бытия, иррационально-рациональное осмысление происходящего в мироздании и человеческом социуме, явление бытия как некоего живого целого, явление бытия как едино-множественного образования и, наконец, отношение к мысли как персонификации мироздания [3]. Выскажемся, по существу, о каждой из обозначенных реалий, а также постараемся обозначить и инструментарий, используемый в тексте для представления обозначенного.

Мир как становящееся

Русский текст мироздание и человека воспринимает не как ставшее, сложившееся, пришедшее к своему пределу, а как живое и становящееся, как то, чему нет и не может быть предписанного, чему нет и не может быть предела. В живом и становящемся, становящемся не в заданной, но творимой самим человеком логике русский текст видит существо и благо мироздания и человеческой жизни.

Отчетливо обозначенную гносеологию образами своих персонажей выразил Ф.М. Достоевский.

Страстные переживания Ивана Карамазова в Легенде о Великом Инквизиторе, неприятие каменной стены автором Записок из подполья, искание Родионом Раскольниковым кардинального преобразования мира сего – все это и другое в произведениях писателя (есть) подтверждение того, что не законом – предопределенностью, заданностью, общим, логикой – жив и ищет блаженства человек. Буква мертва – дух (движение, дерзание) полон жизни. Им

– духом – приближается человеческий покой и благо. Такова максима поведения героев писателя. Такова, подчеркнем, избираемая ими и им гносеология человека.

Н.С. Лесков сюжетами и образами своих персонажей утверждает обозначенную гносеологию. Нельзя молиться о самоубиенных – и молится о них православный батюшка! Нельзя у Бога просить об этой милости – и просит о ней очарованный странник Иван Северьянович! И Бог откликается на обращение человека. Текст «Очарованного странника» Н.С. Лескова (как и множество других его произведений) изобилует подобными когнитивно-художественными сценами. Вступающий в пространство лесковского текста вместе с героями повестей и рассказов творит новые православно-русские миры, творит и в самом творении – беспредельном по возможностям и по замыслу – переживает красоту и правоту миров человеческих.

Какова доминантная форма явления указанной гносеологии в русском тексте? Полагаем, следует говорить об общей семантической открытости как всего пространства текста, так и всех его составляющих: построения, сюжетов, образов, диалогов, образа автора и пр. Русский текст в идеале семантически незакончен. Суждение Д.С. Лихачева о незаконченности актуализируемого содержания в произведениях Ф.М. Достоевского как характерной особенности его стиля, полагаем, можно экстраполировать на семантическое пространство произведений всей русской классики [6, с. 35].

Сюжеты, образы, сцены (в том числе и финальные) в русском тексте есть не столько логическое завершение являемой в произведении коллизии, сколько вступление в новую драму бытия.

Образы и сюжеты, исполненные указанной гносеологии, несут в себе эстетику бытия как чего-то живого и открытого, светло обращенного к неизведанному, спешащего жить и чувствовать, дерзать и верить, и надеяться.

Мир как иррационально-рациональное, наличие некоего присутствия

Пространство русского классического текста есть пространство не только и не столько внятного человеческого разуму бытия, бытия объясняемого

(формируемого на рациональной основе), сколько пространство некоего иррационального, такого, что не постижимо для человека (его мышления), но воздействует на него с безусловной силой и неукоснительно ведет его по пути искания горнего и абсолютного.

Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятого, но важнеешего!

Приведенная цитата из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» передает общий пафос и гносеологию содержания русского художественного текста. Слушать и внимать жизни, видеть в ней, в его перипетиях, ее обращениях к себе как духовности указание на то, как следует поступать, что предпринимать, – вот максима поведения героев Толстого, Достоевского, Лескова, Гончарова и других русских классиков.

Все и вся вокруг человека объято неким *присутствием*, участием некоей высшей силы. Человек не одинок в своем земном странствии. Бог его никогда не оставляет. Бог (как некое высшее, иррациональное) участвует в его поступках и деяниях, прощает его и подает руку помощи. Бог привносит смысл в бытие человека. Без него – высокого смысла – убога и сера жизнь человеческая.

Очерченное *присутствие* со стороны онтологии порождает бытие как неизменно удерживающее в себе некое *предельное*. Мир и человеческая жизнь суть становящиеся реалии (как это было ранее отмечено), но они же суть то, что движется и разворачивается в определенных пределах. Драма и благо мира и человека в принятии или отступлении от названных пределов.

Без очерченных реалий (иррациональное, предельное), а они поддерживаются общим контекстом пространства произведения, и без творимой на их основе гносеологии невозможно постигнуть миры русского классического текста, невозможно глазами Сони Мармеладовой, Татьяны Марковны Бережковой, Пьера Безухова и других взглянуть на мир человеческий, его настоящее и будущее.

Переживание и явление мира как иррационального в своей основе, как богочеловеческого в идеале придает русскому тексту обаяние большой светлой реальности. Высоко-высокое объемлет как текст, так и вступающего в его миры.

Мир как органическое целое

Миры русского классического текста суть миры целостного бытия. Все и вся в мире связано. Все и вся живет общей жизнью. Человеческие поступки, мысли, исторические события, народы, страны, прошлое, настоящее, будущее – всеобъемлется единой – Божовой – связью. Отдельного нет. Есть общее и общее *как живое* и целое. Не понимающий и не принимающий этих положений обречен на слепое странствие по путям-дорогам земного бытия. Внявший указанному обретает спокойствие и благо.

Общая соборная жизнь человека и природы как идеал человеческого бытия, как то, чем следует непременно поверять все и вся, разворачивается в текстах А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского и других русских авторов.

Как текст удерживает живую целостность бытия мира? Постановкой *мира* (мира людей и природы, мира происходящего и изображаемого в произведении, мира Божова) в средину художественного пространства текста. В пушкинском «Евгении Онегине», «Мертвых душ» Н. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, «Войне и мире» Л. Толстого и др. Не отдельный герой, не события, не иное что, но мир человека и вселенной – главное для автора. В порядке иллюстрации приведем выдержку из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, погибли бы мы ... Многое на земле от нас сокрыто... но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных...

Живая связь всего, и вся в сознании Мити, Алеши, Ивана Карамазовых – вот предмет эстетического внимания Ф.М. Достоевского.

Концепт живой (богочеловеческой) целостности бытия русского текста придает последнему эстетику светло-вдохновенного, того, что дарует столь чаемое человеком успокоение и умиротворение.

Мир как едино-множественное

Мир в пространстве русского текста не только един, но и множествен. В этом его полнота и обаяние. М.М. Бахтин, исследуя творчество Ф.М. Достоевского, отчетливо указал на обозначенную особенность содержания русского текста [1].

Бог ли так устроил жизнь человеческую, иное что, но мир множествен и светло множествен и потому противоречив. Противоречив своих проявлениях, суждениях людей (антиномичных), их интенций, оценок и пр. Мир не полон, если поверять его одной, пусть и бесконечно выверенной и емкой мыслью. Есть много правд (много логик), есть много путей, ведущих к абсолюту (истине). Бог все их принимает, принимает, если помыслы человека чистые. Принимает, если Бога (высоко-высокого) ищет человек. Этими мыслями (этой гносеологией множественности бытия) живут персонажи произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого и других авторов. Этими когнитивно-ценностными реалиями объясняется (эстетическое) внимание русских писателей к мирам европейским, кавказским, инославным и другим.

Как русский текст удерживает обозначенную гносеологию? М.М. Бахтин дал исчерпывающий ответ на этот вопрос: русский текст полифоничен в своей основе. В пространстве его актуализируются разные миры - миры разных ценностей, аксиологий, онтологий и пр. Русский текст есть собор, симфония разных и разных (разноосновных) вопрошаний к Богу, человеческой истории, прошлому и настоящему и пр.

Гносеология множественности бытия дарует русский текст эстетикой полного и комплиментарного ко всему и вся (ко всему живому) бытия.

Мир как персонифицирующееся в человеческой мысли

Русский текст прочитывает бытие как перетекающее в сознание человека и в нем, именно в нем, находящее свою определенность и свое разрешение.

Миры человека суть подлинное в бытии. Мысль не отражение происходящего, она есть само оно, высвободившееся от случайного, временного и обретшее драматическую *определенность и свободу*.

Человеком поверяется бытие, его мыслью оно врачует, восстанавливается и светло преобразуется. Этими максимами и этой гносеологией полнятся переживания героев русской классики.

— Ха, ха, ха! — смеялся Пьер. И он проговорил вслух сам с собою: — Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!.. — смеялся он с выступившими на глаза слезами. <...> «И все это мое, и все это во мне, и все это я! — думал Пьер. — И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!» Он улыбнулся и пошел укладываться спать к своим товарищам.

В приведенном отрывке романа Л.Н. Толстого герой его осознает мирозданническую срединность себя самого как мыслящей духовности. Все и вся в нем — Пьере Безухове. Ничего у него нельзя отнять. Все — у него, в глубинах его духовности. Он, удерживающий себя в своей рефлексии, вершит происходящим. Он наделен божественной способностью все, и вся осознавать и удерживать в себе. Внешнее суетно, бесконечно мало в сравнении с ним. Он — человек мыслящий — свободен. Свободен мыслить, свободен воспринимать и принимать происходящее, противиться ему и предвидеть грядущее., вносить в него свой незаменимый вклад. Человек свободен, что бы с ним ни делали другие люди или слепая судьба (фатум).

В сердце человеческом намечается, полнится и разрешается вселенская драма. Мироздание вторгается в душу человеческую, в ней обретает свою временную законченность и в ней ищет своего возможного предела. Об этом романы и повести другого русского автора — Ф.М. Достоевского.

Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей, — замечает один из героев классика (Братья Карамазовы).

Русский классический текст настойчиво мысль человеческую ставит в средину бытия и ее движениям, движениям свободным и широким доверяет безусловно и последовательно.

Как текст являет указанную реалию? Тотальным вниманием со своей стороны к движениям мысли своих героев. Тексты Достоевского, других русских авторов не что иное, как развертывающиеся миры свободных движений душ человеческих. В них – мирах – автор классического отечественного текста постигает бытие. Последний из романов Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» – ярчайшее подтверждение сформулированному.

Приведенное о тексте придает ему эстетику бесконечно доверительного, проникновенно бережного отношения к человеческой духовности.

Русский классический текст открывает своему читателю миры русского бытия со стороны их гносеологии. Гносеология русского мира в тексте предстает в ее полнотной, единично-конкретной, внятной для читателя форме. Русский текст, более, чем другие гносеологические реалии в России, трудится над поддержанием и развитием в духовности человека ценностно-когнитивных структур, характерных для русского бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1973. – 318 с.
2. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. – Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994. – 48 с.
3. Гагаев П.А. Контекст отечественной литературы как историко-культурный феномен // Русский язык в школе. – 2006. - № 1. – С. 62-65.
4. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1993. – 320 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 672 с.
6. Лихачев Д.С. «Небрежение словом у Достоевского»/ Материалы и исследования. Т.2. – Ленинград: Наука, 1976. - С. 30-41.

ON THE EPISTEMOLOGY OF THE RUSSIAN CLASSICAL TEXT

Andrey Gagaev

doctor of philosophy, Professor of the Department of philosophy and sociology

N. P. Ogarev Mordovian state University

Saransk, Russia

Gagaev Pavel

doctor of pedagogical Sciences, professor of the Department of pedagogy and psychology

Penza state University

Penza, Russia

The article deals with the epistemology of the Russian classical literary text. The text is interpreted as a full-life (aesthetically organized) form of the integral being of the Russian person, clearly carrying the epistemology characteristic of the latter.

Methodology of understanding the problem-substrate reflection of A.A. Gagaev.

Key words: *epistemology, classical text, Russian, becoming, one-plural, irrational, personification, form of the whole.*